УДК 342.815.14; 343.82

ОГРАНИЧЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В. С. ЗДАНОВИЧ
(Представлено: О. В. Катушонок)

В статье автор рассматривает ограничение отечественным законодательством конституционного избирательного права у осужденных к лишению свободы. Делается акцент на различие подобного правового статуса осужденных к лишению свободы в Республике Беларусь с правовым статусом осужденных в других странах. Автор рассматривает целесообразность реализации избирательного права у осужденных в Республике Беларусь.

Конституционное право граждан свободно избирать и быть избранными в государственные органы выступает фундаментом любого демократического правового государства, определяя при этом легитимность всей системы публичной власти. Как отмечалось, данное право закреплено в самой Конституции Республики Беларусь в статье 38 [1]. Сам избирательный процесс базируется на принципах всеобщего, равного и прямого избирательного права. Но вместе с тем, категория «всеобщности» нельзя назвать полноценной, т.к. косвенно ограничивается законодателем посредством введения специфических цензов. Одним из наиболее дискуссионных в современной юридической науке выступает ограничение избирательных прав лиц, совершивших преступления и отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Часть 2 ст. 64 Конституции Республики Беларусь и ч. 2 ст. 4 Избирательного кодекса Республики Беларусь напрямую устанавливают, что осужденные к лишению свободы полностью лишаются избирательного права [2]. Конечно, осуществление наказания в виде лишения свободы во многом опирается на изоляцию от общества наиболее опасных преступников в целях предупреждения преступлений. Лишение свободы в таких условиях выступает и в качестве меры его публичного осуждения и избегания, и в качестве меры принудительного характера, выраженной в ограничении правового статуса свободного человека в целях его дальнейшего исправления в достаточно строгой форме. Во многих государствах суть и цели наказания в виде лишения свободы уже стали переосмысляться, ориентируясь на ресоциализацию и социализацию, нежели чем на исправление, которое рука об руку идет с изоляцией от общества [3, с. 267].

Республика Беларусь в контексте отсутствия у осужденного к лишению свободы избирательного права, предполагается, исходит из закономерного элемента уголовного наказания и морального ценза: лицо, посягнувшее на закон, временно лишается права этот закон создавать. В таком случае осужденный не имеет права избирать, т.к. таким образом будет в какой-то степени влиять на формирование государственных органов власти. К тому же, как отмечалось выше, предполагается, что лишение права голоса должно способствовать своеобразному укреплению чувства гражданского долга и осознанию тяжести совершенного преступления.

Анализ международной практики позволяет распределить избирательные права осужденных по нескольким так называемым уровням:

1) Либеральная модель, в которой ряд государств исходит из Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. Право голоса является неотъемлемым элементом гражданства, который не может быть аннулирован фактом совершения преступления. В таких странах, как Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Ирландия, Швейцария и Нидерланды, осужденные к лишению свободы голосуют на общих основаниях. Администрация исправительных учреждений обеспечивает заключенным возможность реализовать свое активное избирательное право, например, посредством голосования по почте. Так, в Дании с 1930 года все осужденные имеют право голосовать. Они могут это делать непосредственно в тюрьме, за пределами пенитенциарного учреждения или даже заочно. В тюрьмах обеспечивается трансляция дебатов перед выборами.

2) Дифференцированная модель, при которой лишение права голоса зависит от тяжести совершенного преступления, его характера или срока наказания. Например, во Франции и Германии суд может лишить гражданина избирательного права, но только за специфические преступления, подрывающие основы государства (государственная измена, терроризм или фальсификация выборов). В Германии, например, срок лишения активного избирательного права может длиться от 2-х до 5-ти лет [4]. Такого подхода придерживается частично и США. Почти по всей территории США – за исключением штатов Мэна и Вермонта – осужденные за тяжкие преступления не могут голосовать, пока отбывают срок. Большинство штатов восстанавливают избирательные права граждан сразу после их освобождения. В некоторых регионах закон требует определенный период: например, 2 года в Небраске и 5 лет в Делавэре. Сложнее всего

ситуация в Айове, Кентукки, Виргинии и Флориде, где действует пожизненный запрет на голосование, а вернуть право голоса можно только через специальное обращение. При этом законы в некоторых штатах нестабильны: во Флориде пожизненное лишение прав отменили в 2007 году, но вернули в 2011-м, а в Айове аналогичные ограничения временно не применялись в период с 2005 по 2012 год.

3) Консервативная модель, свойственная уже Республике Беларусь, Российской Федерации, ряду государств Восточной Европы и Азии (например, Китай). Здесь факт нахождения человека в местах лишения свободы по вступившему в силу приговору суда автоматически влечет за собой приостановление его активного избирательного права на весь период отбывания наказания.

Как уже отмечалось выше, либеральная модель (и в должной степени дифференцированная) опираются на Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, а именно на статью 25, которая закрепляет, что каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и «без необоснованных ограничений» право и возможность голосовать и быть избранным [5]. Международное право не запрещает ограничивать осужденных, но требует, чтобы это ограничение было четко, логически и справедливо обосновано, поэтому в дополнение был создан специальный документ – Замечание общего порядка № 25 1996 года, пункт 14 которого указывает: если основанием для временного лишения права голоса является осуждение за совершенное преступление, то срок такого ограничения должен быть строго соразмерен тяжести преступления и вынесенному приговору [6]. Таким образом, тотальный запрет на волеизъявление для всех категорий осужденных без учета характера совершенного деяния признается международно-правовой доктриной ООН, несколько нарушающим баланс между карательной функцией государства и неотъемлемыми политическими правами личности.

Большое влияние на эту систему оказало прецедентное решение Большой палаты Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «Хёрст против Великобритании (№ 2)» (2005 г.), касающееся того, что ограничение права голоса должно быть пропорциональным и соразмерным. ЕСПЧ вынес решение, что абсолютный, автоматический запрет нарушает права человека без прямого учета личности осужденного. Решение суда скорее основывается на уходе от автоматизма и делении осужденных на категории в зависимости от тяжести их деяний. В таких условиях для белорусской правовой системы, где запрет носит конституционный и абсолютный характер, ставится серьезный вопрос: эффективен ли запрет активного избирательного права для ресоциализации личности?

Рассматривая различные зарубежные подходы к пониманию избирательного права осужденных, стоит предположить, насколько реализация данного права могла бы быть необходима в контексте Республики Беларусь как полноценная (либеральная) модель, так и несколько ограниченная (дифференцированная).

Отечественный законодатель исходит из того, что реализация избирательного права подразумевает под собой управление государством, выраженное в формировании государственных органов. Участие в выборах требует от гражданина определенного уровня правосознания и ответственности перед обществом. Лицо, которое сознательно совершило преступление, само по себе продемонстрировало пренебрежение к моральным устоям этого самого государства. Следовательно, до момента отбытия наказания оно теряет право влиять на политическую жизнь уже законопослушных граждан. Если рассматривать контекст самого исправительного процесса, то приостановление права голоса выглядит полноценным элементом, выражающимся в непосредственной изоляции лица, совершившего преступление, в местах лишения свободы.

Стоит отметить, что сама организация избирательного процесса в условиях закрытого пенитенциарного учреждения является крайне проблематичной. Здесь имеется ряд проблем, касающихся и свободного волеизъявления осужденных (возникает вопрос о том, насколько их выбор будет являться сознательным в силу трудностей донесения агитационных программ кандидатов), и тайны голосования (сложно реализовать такой процесс без нарушения распорядка дня колонии), и территориальности (неизвестно, должен ли образовываться отдельный округ для голосования именно для исправительных учреждений).

Рассматривая аргументы возможности отмены запрета избирательного права, можно сделать выводы о том, что реализация данного права поспособствует успешной ресоциализации осужденного. Предполагается, что полное лишение избирательных прав порождает у осужденного чувство абсолютного отчуждения от жизни государства. Осужденный понимает, что от его мнения ничего не зависит, и теряет интерес к легальной политической и правовой культуре, что после освобождения может увеличить риски рецидива. Также полный запрет избирательного права в некоторой степени не соответствует дифференциации наказания: одинаковое лишение конституционного права у осужденных, которые совершили абсолютно разные по степени тяжести преступления (например, государственная измена или кража), нарушает справедливость.

Особый интерес в контексте дифференциации ограничений избирательного права представляет категория лиц, отбывающих наказание в ИУ в результате замены ограничения свободы на лишение свободы вследствие злостного уклонения от его отбывания. Закономерно возникает вопрос: допустимо ли уравнивать их правовой статус с лицами, изначально осужденными к строгой изоляции за совершение, например, тяжких и особо тяжких преступлений? По нашему мнению, уравнивание данной категории граждан в части лишения избирательных прав нарушает принцип справедливости. Первоначальный характер совершенного ими деяния и вынесенный судом первоначальный приговор наглядно доказывают, что степень

общественной опасности их личности относительно невысока, а факт замены наказания обусловлен сугубо дисциплинарным нарушением порядка отбывания наказания, а не совершением нового преступления. В таких условиях представляется целесообразным сохранить активное избирательное право за лицами, находящимися в ИУ в результате замены наказания, если их первоначальное совершенное деяние относилось к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности или менее тяжких.

Анализируя опыт зарубежных стран, можно утверждать, что внедрение либерального подхода, предполагающего наделение осужденных избирательными правами, видится в современных отечественных реалиях крайне преждевременным решением. Подобная модель неизбежно столкнется с проблемами, обусловленными самими условиями исправительных учреждений и реализации в них принципа тайны голосования, свободы агитации и сознательности выбора кандидата. В то же время, действующее в Республике Беларусь полное ограничение избирательного права является полностью оправданным правовым инструментом. Данное ограничение составляет элемент изоляции лица, совершившего общественно опасное деяние: совершая преступление, индивид, по сути, сознательно лишается права участвовать в формировании органов государственной власти.

Анализируя обе концепции и опыт зарубежных стран, можно предложить, что для Республики Беларусь переход от полного отсутствия избирательного права у осужденных к реализации дифференцированной модели ограничения избирательных прав может иметь положительный опыт. При таком подходе полноценный запрет на участие в выборах должен быть незыблем в отношении лиц, совершивших тяжкие, особо тяжкие преступления (например, против государства или общественной безопасности), в то время как возможность волеизъявления может быть поэтапно возвращена гражданам, осужденным за преступления, не представляющие большой общественной опасности. Это позволит расширить процесс ресоциализации личности осужденного, способствуя минимизации уровня его постпенитенциарного отчуждения от институтов гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 19.09.2026).
2. Избирательный Кодекс Республики Беларусь: 11 февраля 2000 г. № 370-З: принят Палатой представителей 24 января 2000 г.: одобрен Советом Республики 31 января 2000 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 16 февраля 2023 г. № 252-З // ЭТАЛОН: информ.– поисковая система (дата обращения: 19.09.2026).
3. Хомич, В. М. Отчет национального эксперта в области применения уголовных санкций / В. М. Хомич // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь (Программа развития ООН (ПРООН)). Минск : Рэйплац, 2009. – С. 265–292.
4. Die Bundeswahlleiterin [site]. – Wiesbaden, 2025–2026. – URL: bundeswahlleiterin.de (date of access: 19.09.2026).
5. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 19.09.2026).
6. Замечание общего порядка 25. Статья 25 (Пятьдесят седьмая сессия, 1996 год) // Библиотека по правам человека. Университет Миннесоты. – URL: https://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom25.html (дата обращения: 19.09.2026).